УДК 94(517.9) Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2016. Вып. 3

А. В. Попов

ЦИНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XVIII–XIX ВВ. О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗЕМЕЛЬ СЕВЕРОМОНГОЛЬСКИХ АЙМАКОВ И ХОШУНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье описаны нормы законодательства о разграничении территорий аймаков и хошунов, действовавшие в Северной (Халха) Монголии в XVIII–XIX вв. в период ее пребывания в составе империи Цин. Принятие этих норм имело целью формирование юридически значимых предпосылок для насаждения в Монголии системы административно-территориального деления, отвечавшей политическим интересам имперских властей. Контроль над соблюдением порядка разграничения территорий хошунов и аймаков относился к компетенции центрального правительственного аппарата империи Цин. Вместе с тем административный механизм, обеспечивавший действие цинских кодексов, в Монголии функционировал во многом благодаря усилиям местных владетельных князей. Их бюрократические правомочия, но не мощь оружия (как это было в доцинский период) стали главной силой, которая гарантировала аймакам и хошунам права владения и распоряжения пастбищными угодьями. В результате социальный статус монгольской аристократии наполнился новым важным содержанием, несвойственным доцинским кочевым традициям. Отсюда следует, что реформы монгольского земельного права привели к последствиям, которые во многом противоречили политическим интересам инициировавших эти реформы властей империи Цин. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: Северная (Халха) Монголия, империя Цин, законодательство о разграничении кочевий, административно-территориальная система.

THE QING LEGISLATION ON THE DELIMITATION OF THE LANDS OF AIMAGS AND BANNERS IN THE NORTHERN MONGOLIA IN THE 18th–19th CENTURIES

A. V. Popov

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article describes the legislation on the delimitation of the territories of aimags and banners operating in the Northern (Khalkh) Mongolia in the XVIII–XIX centuries during the period of its being part of the Qing Empire. The adoption of these standards was aimed at creating the legal prerequisites for planting in Mongolia the system of administrative-territorial division, in charge of the political interests of the Imperial authorities. Responsibility for approving and monitoring compliance with the order of the territories` delimitation were within the competence of the Central government of the Qing Empire. The intersection of the approved border lines without official authorization were banned for all Mongols, including representatives of higher social strata. However, the Qing legislation awakened among the population of Mongolian aimags and banners the desire for better synchronization of their economic and social activities with a well-defined geographical area. The mechanism of such synchronization has acted largely through the efforts implemented by the representatives of Khalkh nobility. Their administrative authority and management options, but not the power of arms (as it was in Mongolia before the Qing period), became the main force that guaranteed the ownership and disposition of the pasture lands. As a result the social status of the Khalkh princes acquired additional weight, and their administrative powers in relation to subordinate population have been filled with new important content, unusual for nomadic traditions, that existed before the Qing period. It follows that the Mongolian land law reform in fact led to the consequences which in many respects was contrary to the political interests of the Qing Empire authorities, by whom those reforms were initiated. Refs 29.

Keywords: Northern (Khalkh) Mongolia, Qing Empire, the legislation on the delimitation of the territories, administrative-territorial division.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

 DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.306

Законодательство, введенное империей Цин в Монголии в XVIII–XIX вв., среди прочих имело определенную цель: сформулировать и провести в жизнь целый ряд норм, устанавливающих порядок распределения и разграничения населенных монголами земель. Статус границ монгольских хошунов и аймаков впервые оказался в фокусе системы цинского законодательства в 30-х годах XVII в., с самого начала ее распространения на Монголию. Об этом свидетельствует содержание нескольких указов, адресованных правителями маньчжурского государства Цзинь южным монголам[1]. Наиболее ранний из таких указов, изданный в 1636 г. маньчжурским государем Хунтайдзи (или Абахаем, годы правления: 1626–1634[2]), предписывал штрафовать 40 лошадьми монгольских ванов[3], допустивших самовольный переход установленных границ кочевий. За тот же проступок управлявшим хошунами бэйлэ, бэйцзы и гунам[4] грозил штраф в размере семи единиц конского поголовья, тайджи[5] — пяти. Уличенный в подобном правонарушении простолюдин обязан был отдать для казенных нужд одного быка. Согласно тому же указу, переходящие пределы отведенных им земель и самовольно кочующие на чужих пастбищах ваны должны быть подвергнуты штрафу в размере 100 лошадей, управляющие хошунами бэйлэ, бэйцзы и гуны — в размере 70 лошадей, тайджи — в размере 50 лошадей. Совершивших подобное преступление простолюдинов надлежало лишать всего их имущества, каковое следовало передавать свидетелям, давшим показания, уличающие правонарушителей [1, цз. 140, л. 60а]. Тем самым были сформулированы правовые основы порядка распределения и разграничения кочевий, распространенного цинскими властями на Северную (Халха) Монголию сразу же после ее включения в состав империи Цин в 1691 г.

С течением времени этот порядок обретал все более детальную и всестороннюю регламентацию. В своде законов *Мэнгу люйли* (蒙古律例), датированном 1789 г., приведенные выше формулировки императорских указов подверглись некоторым изменениям. В частности, ванам, бэйлэ, бэйсэ, гунам и прочим владетельным князьям за попытку захвата земель, лежавших вне пределов их хошунов, вместо прежних штрафов было установлено наказание в виде лишения жалованья, причитавшегося им от цинской казны, сроком на один год[6] [2, цз. 5, л. 1 а–б]. В кодексе *Дай Цин хуэйдянь* (钦定大清会典), изданном в 1818 г., земельное законодательство было дополнено следующим существенным пунктом:

---

[1] Маньчжурское государство Цзинь установило политический и административный контроль над территориями, населенными южными монголами, в 1623–1635 гг.

[2] В дальнейшем в тексте статьи и в сносках имена или девизы правления цинских императоров при первом их упоминании будут сопровождаться приведенными в скобках сведениями о годах их правления.

[3] Ваны (кит. 王, монг. wang) — монгольские князья, обладавшие пожалованными цинским императором высшими аристократическими титулами 1-го и 2-го рангов.

[4] Бэйлэ, бэйсэ, гуны (кит. 贝勒, 贝子, 公, монг. beiyl-e beiys-e gùng) — представители среднего звена цинской иерархии монгольской наследственной знати, князья 3–6-го рангов.

[5] Тайджи (кит. 台吉, монг. tayiǰi) — носители низших аристократических достоинств и рангов знатности, привлекались цинскими властями к государственной службе в качестве правителей хошунов или чиновников в монгольском военно-административном аппарате.

[6] Приведенные нами статьи законов отражают изменения, которые были внесены в изначальные положения указов императора Хунтайдзи императором Юнчжэном (1723–1736) в 1727 г. Перевод кодекса законов *Мэнгу лйюли* на русский язык выполнен в 1828 г. Н. Я. Бичуриным. Интересующие нас статьи см.: [3, с. 334, ст. 2].

Пределы каждого хошуна надлежит обозначить с четырех сторон света, сообразуясь с названиями пограничных рек, гор и знаков-обо[7]. В Халхе установить такой же порядок разграничения кочевий, как и в хошунах Внутренней Монголии. Границы аймаков и хошунов, а равно и запретные земли[8], охранять, выставив караулы [4, цз. 52, л. 2а][9].

Тем же кодексом было предписано составить описи границ каждого аймака и хошуна и нанести эти границы на планы и чертежи[10].

Процесс совершенствования земельно-правовых норм в Монголии был продолжен в кодексе законов «Уложение Лифаньюань» (钦定理藩院则例)[11]. В первой и второй его редакциях (1817 и 1826 гг.) простолюдинов, допустивших нарушение установленных границ кочевий, было предписано штрафовать двумя девятками скота[12], а не лишать всего имущества, как этого требовали ранее изданные законы [10, цз. 53, л. 11 а–б; 11, цз. 53, л. 11 а–б]. Что касается третьей редакции того же «Уложения» (1842 г.), то в нее была включена совершенно новая статья о нарушении порядка разграничения монгольских земель:

Все внутренние и внешние управляющие хошунами ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны, тайджи и табунаны[13], ежели войдут в пределы чужих земель, то лишать их полугодового жалованья. Буде то же произведут и не управляющие хошунами ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны, тайджи и табунаны, а равно и монгольские чиновники и простолюдины, то всех поименованных лиц штрафовать одним девятком скота. Помимо сего, вторгшихся в пределы чужих кочевий надлежит силою препрово-

---

[7] Обо (монг. oboγo) — пограничный знак, представлявший собой каменную насыпь высотой 1,5–2 м, наверху которой иногда крепилась деревянная табличка с указанием, для чего данный знак поставлен. Что же касается монгольского термина «обо», то он чаще употребляется в ином значении — не как пограничный знак, а как ритуальная насыпь из камней.

[8] Запретными (монг. qoriγ) для проживания и ведения хозяйственной деятельности в Монголии в цинский период считались земли, имевшие ритуальное значение, территории, отведенные для размещения военно-административных подразделений (пограничных караулов, почтовых станций, стад казенного скота), или охотничьи угодья, где проводилась воинская подготовка монгольского ополчения.

[9] Существуют довольно многочисленные публикации текста рассматриваемого нами кодекса, в том числе специально посвященные содержащимся в нем законам об управлении Монголией. В качестве примера можно привести издание, предпринятое китайскими историками в 1988 г. под редакцией Лу Ижаня и Ма Дачжэна [5]. В этом издании цитированные нами статьи приведены на с. 55.

[10] Официальные документы, содержавшие описания границ аймаков и хошунов, были положены в основу историко-географического сочинения «Записки о монгольских кочевьях», составленного в 1867 г. китайскими учеными Чжан Му и Хэ Цюйтао. Оно переведено на русский язык и издано П. С. Поповым [6].

[11] Монгольское название этого свода законов: γadaγatu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig. В общей сложности существуют пять редакций «Уложения Лифаньюань» [7, p. 334]. Сводный текст первой и второй (1817 и 1826 гг. соответственно) был опубликован в современном варианте старомонгольского письма в КНР под редакцией Алтаноргила [8]. Переводчиком первой редакции «Уложения» на русский язык является маньчжуровед С. П. Липовцов [9].

[12] «В девяток входят две лошади, два вола, две коровы, два трехгодовалых бычка и один двухгодовалый… Сверх сего каждый преступник обязан еще дать одного трехгодовалого бычка тому, кто взыскивает штрафной скот» [9, т. 2, с. 132, 133].

[13] Табунан (кит. 塔布囊, монг. tabunang) — титул монгольского князья, получившего право взять в жены маньчжурскую принцессу, происходившую из императорского дома или из княжеского рода.

ждать в их прежние земли. Ежели переход границ чужих кочевий сопряжен был с их самовольным захватом, то наказание назначать на 1 разряд строже против объявленного выше [12, цз. 59, л. 9 а–б].

Цинское законодательство не осталось в стороне и от судебно-правового обеспечения статуса границ монгольских кочевий. Имперские власти, являвшиеся для монголов высшей судебной инстанцией, в законодательном порядке оставили за собой права верховного арбитра в урегулировании межхошунных и межаймачных земельных споров. Об этом впервые со всей определенностью заявил в 1680 г. император Канси (1661–1723):

> Если управляющие хошунами монгольские ваны, бэйлэ, бэйцзы, гуны и тайджи по причине того, что их земли бедны пастбищными угодьями, пожелают перекочевать в пределы соседствующих с ними хошунов, выделить часть принадлежащих тем хошунам угодий и прирезать их к своим владениям, то они могут ежегодно в седьмом месяце приезжать к императорскому двору и подавать прошения по такого рода делам. В сем случае Палата по делам управления Внешней Монголией (Лифаньюань)[14] должна послать чиновников для инспекции на месте. В тех обстоятельствах, когда проверкой выяснится справедливость прошения, его следует удовлетворить. Но если земли, кои населены хошуном подавшего прошение цзасака[15], обильны травой и богаты пастбищами, а он, несмотря на это, просит о переселении в иные места, то подавшего с ложным умыслом прошение хошунного правителя отдать под суд. Буде он в другой раз приедет просить об изменении границ его хошуна, в просьбах ему всенепременно отказывать [13, с. 9].

Несмотря на то что приведенный нами указ императора Канси был адресован южномогольским князьям, в дальнейшем он был распространен и на Халху. В цинских нормах процессуального права именно имперские власти выступали высшей судебной инстанцией в земельных спорах северомонгольских хошунных правителей. В качестве примера упомянем о длительной тяжбе по поводу пастбищ между хошунами бэйлэ Гомбоцэрэна и тайджи Гомбожава из Сайннойонханского аймака. Судебное дело, содержавшее многочисленные подробности этого конфликта, поступило в Лифаньюань в 18-м году правления императора Цзяцина (1796–1820). Старшина сейма[16] не смог вынести решения, удовлетворявшего тяжущиеся стороны, поэтому дело было передано на рассмотрение вышестоящих судебных инстанций. Изучив его обстоятельства, император вынес резолюцию, которая предписывала вернуть дело на доследование в Лифаньюань. По его результатам сановникам

---

[14] Лифаньюань (理藩院) — в переводе с китайского «Палата по делам управления вассальными и зависимыми территориями». Монгольское название — γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun (Палата по делам управления Внешней Монголией). Подразделение центрального правительственного аппарата империи Цин, которому был поручен надзор за положением дел во Внешней Монголии, Синьцзяне и Тибете.

[15] Цзасак (кит. 扎萨克, монг. ǰasaγ) — монгольское наименование должности правителя хошуна, принятое в цинском законодательстве и административном обиходе.

[16] В 1728 г. указом императора Цзяцина был отменен существовавший прежде институт наследственного управления халхаскими аймаками. Доселе стоявшие во главе аймаков халхаские Тушету, Дзасакту, Сэцэн и Сайннойон-ханы были причислены к разряду хошунных правителей с сохранением за ними прежних титулов. Административная и судебная власть в аймаках с этих пор была вверена собраниям (сеймам) владетельных князей. Из их числа по представлению имперских властей выбирался старшина сейма (кит. 盟长, монг. иiγulγan-u daruγ-a).

данной палаты было поручено утвердить окончательное решение, в котором непременно должны быть установлены правая и виноватая стороны [14, л. 2 а–б; 15, с. 65–66].

Впрочем, изданием описанных законоположений цинские земельно-правовые инновации в Монголии не ограничивались. Существовал также регламентированный рядом нормативных актов порядок надзора за соблюдением законодательства о разграничении монгольских кочевий. Сразу после того как Северная Монголия вошла в состав империи Цин, ответственность за утверждение и контроль над соблюдением порядка разграничения территорий хошунов и аймаков были отнесены к прерогативам Палаты по делам управления Внешней Монголией. В использованных нами источниках с деятельностью именно этой палаты ассоциируется первое из проведенных цинскими властями размежеваний монгольских земель, которое было связано с возвращением в родные кочевья разгромленных джунгарским правителем Галданом халхасцев в конце XVII в.[17] «Когда халхасцы вернулись к исконным своим местам жительства в Хангае, то Лифаньюань указала каждому его кочевье», — говорилось в датированном 1769 г. письме старшины сейма Тушету-ханского аймака улясутайскому цзянцюню[18] [17, с. 12].

В осуществлении крупномасштабных землеустроительных кампаний Лифаньюань опиралась на цинских наместников в Монголии. Так, улясутайскому генерал-губернатору был поручен надзор за перераспределением и размежеванием халхаских земель, связанным с образованием в 1720-е годы нового Сайннойонханского аймака, а в 1770-е годы — с расширением территории северомонгольских аймаков за счет упразднения обширных запретных полос, окружавших места расположения караулов на границе с Россией [18, с. 141; 17, с. 6]. Вместе с тем следует заметить, что точное и достоверное определение тех мест, где должны были проходить границы аймаков и хошунов, было поручено сеймам монгольских князей, а цинские наместники главным образом проверяли обоснованность решений, совместно принятых халхаской знатью. Последнюю и окончательную санкцию порядок разграничения северомонгольских кочевий обретал в Лифаньюань, куда представлялись доклады о постановлениях, вынесенных по данным вопросам сеймами князей и апробированных улясутайским цзянцзюнем [17, с. 12]. В обязанности Палаты по делам управления Внешней Монголией, кроме рассмотрения и утверждения подобных

[17] В 1688 г. северные монголы, предводительствуемые тушету-ханом Чахундоржи и Джебдзун Дамба-хутухтой, потерпели жестокое поражение в войне с западномонгольским Джунгарским ханством. Халхаские кочевья были захвачены ойратами, а их население большей частью вынуждено было покинуть родные места и искать спасения и защиты у границ Цинского Китая. Вернуться назад северные монголы смогли лишь после того, как в 1690–1697 гг. империя Цин вступила в войну с Джунгарским ханством и вынудила ойратов оставить захваченную ими территорию Халхи.

[18] Должность генерал-губернатора (цзянцзюня) в Улясутае была учреждена в 1733 г. указом императора Юнчжэна [16, с. 165, 360]. Ее официальное наименование — «ведающий западным направлением помощник главнокомандующего, водворяющий надлежащее устройство на пограничных территориях» (кит. 乌里雅稣台定边左副将军, монг. kiǰaγar dakin-i toγtaγaγči ǰegün eteged-ün tusalaγči ǰangǰun). Занимавший эту должность сановник ведал военно-административными делами во Внешней Монголии и контролировал деятельность властей двух западных аймаков Халхи — Дзасактуханского и Сайннойонханского. До середины 1750-х годов кандидаты на пост улясутайского генерал-губернатора выбирались среди представителей высшей халхаской аристократии, но затем назначения производились исключительно из числа знаменных маньчжур.

докладов, входило также составление и редактирование кадастров монгольских земель с описанием разделявших их границ [7, p. 30, 31].

Впрочем, даже такая весьма осторожная и гибкая тактика осуществления в Халхе необходимых имперским властям земельных реформ в известной степени силами самих же местных князей не гарантировала безболезненной интеграции института постоянных аймачных и хошунных границ в кочевой земельно-правовой порядок, сложившийся в соответствии с монгольскими традициями задолго до появления империи Цин. Новые границы, пусть даже определенные согласованным решением представителей владетельной степной аристократии, все равно нередко разрезали пастбищные угодья, что называется, «по живому». Об этом говорят многочисленные споры, которые по прошествии известного времени начинались вокруг пересмотра и уточнения прежде согласованных решений. Примером могут служить дискуссии о разграничении земель халхаских аймаков на сейме северомонгольских владетельных князей в 1772 г. В указе императора Цяньлуна (1736–1796), текст которого приведен в сочинении халхаского историка Галдана *Эрдэнийн эрихэ*, этим дебатам дана весьма красноречивая оценка:

> В 37-м году правления под девизом Цяньлун в Ширээнорском сейме сэцэн-хан Цэвдэнжав и тушету-хан Санджайдоржи собрали общий съезд старшин четырех аймаков и обсудили вопросы, касающиеся кочевий. Однако же по чести и справедливости они этих вопросов не решили. По сей причине ваны, гуны и цзасаки беззастенчиво пользуются удобным случаем и ищут себе выгоду в приращении к своим владениям лишних земель. При распределении же кочевий лишь Сайннонойханский и Цзасактуханский аймаки поимели для себя выгоду. Тушетуханскому и Сэцэнханскому аймакам распределение земель никаких выгод не принесло [18, с. 141].

При этом все же следует заметить, что выступавшие от имени аймаков и хошунов князья пытались достаточно часто, хотя и не всегда успешно, решать земельные споры по обоюдному согласию. Так, в 1740 г. сеймовые власти Тушетуханского аймака жаловались старшине Сайннойонханского сейма на то, что многочисленные уточнения границ кочевий производились к односторонней выгоде Сайнойонханского аймака и в ущерб его соседям. «На ныне освобожденной Сэцэнханским аймаком и переданной нам территории, — писал старшина Тушетуханского сейма, — разместиться и проживать нашему аймаку нет никакой возможности, ибо у нас отобраны в пользу вашего, Сайннойонханского, аймака все прежние кочевья тушету-хана Ширэту-ламы, гунов Вамбу и Вампила, цзасака Лимбэлдоржа и половина земель хошунов цзасаков Цэрэванчога и Дашпила» [17, с. 62]. Но на просьбу вернуть хотя бы часть кочевий прежним хозяевам администрация Сайннонойнханского аймака ответила отказом, сославшись на то, что порядок распределения земель был установлен совместно четырьмя халхаскими аймаками и не может быть изменен к чьей-либо односторонней выгоде [17, с. 62].

Когда достижение взаимоприемлемых договоренностей в земельных спорах между аймаками и хошунами оказывалось невозможным, монголы прибегали к посредничеству вышестоящей имперской администрации. Но даже в таких случаях, что весьма симптоматично, улясутайский цзянцзюнь, являвшийся первой апелляционной инстанцией, зачастую не вставал безоговорочно на чью-либо сторону, а предписывал тяжущимся вновь вступить в переговоры и при посредничестве

направленных им чиновников самим уладить дело. Именно такое решение наместником в Улясутае было принято, например, в 1779 г. при рассмотрении обстоятельств длительного и весьма драматичного спора из-за пастбищ между хошунами цзасак-тайджи Чавагдоржа и бэйсэ Дашпила [17, с. 12]. По-видимому, подобный подход к разрешению конфликтов по поводу распределения кочевий в представлениях цинских властей выступал более эффективным и надежным средством управления монголами, чем любые директивные решения в сфере, где безальтернативно определить правую и виноватую стороны было чрезвычайно сложно, а порой и невозможно.

Тем самым практика применения цинских законов в Монголии потребовала юридического признания известной самостоятельности сеймовых старшин и хошунных правителей в решении земельно-правовых проблем. О таком признании, в частности, свидетельствует датированный 1780 г. указ императора Цяньлуна, который возлагал на власти монгольских аймаков ответственность за контроль и надзор над границами пастбищных угодий в пределах подведомственных им территорий [18, с. 142]. Старшины сеймов и цзасаки были освобождены от необходимости всякий раз в связи с неизбежно возникавшими земельно-правовыми проблемами испрашивать указаний вышестоящего начальства, и их решения по поводу пересмотра и уточнения порядка разграничения кочевий получили определенную юридическую силу. Правда, предоставленная монгольским князьям самостоятельность сводилась всего лишь к возможности внесения временных и несущественных (например, в случае засухи) изменений в утвержденное Лифаньюань распределение земель. В 1822 г. этим административным органом было издано распоряжение, согласно которому сеймовые старшины получили право договариваться с властями соседних аймаков и подведомственных им хошунов о временном пребывании на их территории пострадавшего от стихийных бедствий населения. Распоряжение позволяло монголам в критических обстоятельствах обойти жесткие установления цинского законодательства, запрещавшие переход хошунных и аймачных границ. В нем, в частности, говорилось:

> Отныне и впредь если в кочевьях каких-либо аймаков и хошунов действительно случиться засуха, то о таковых случаях надлежит уведомлять сеймовых старшин. Последние же обязаны указать пострадавшим от стихийных бедствий расположенные в близлежащих хошунах пастбища с хорошей травой и тем принять меры к восстановлению сил их скота, дабы не допускать того, чтобы араты лишились средств к жизни [19, л. 82а].

Впрочем, подобный порядок в действительности существовал и до издания упомянутого распоряжения Лифаньюань, хотя официальные предписания насчет его обязательного исполнения в то время были еще не изданы. На это прямо указано в письме управлявшего хошуном тайджи Адзара в канцелярию сейма Тушетуханского аймака, датированном 1803 г.:

> В 5-м году правления под девизом Цзяцин[19] из канцелярии соседствующего с нами хошуна цзасака Уржинжава нам сообщили, что у них произошла засуха, из-за чего не осталось травы, необходимой для прокормления скота зимой и весной.

[19] 1800 г.

Посему старшиной сейма было указано, чтобы изрядное число хозяйств из оного хошуна, оставаясь в пределах нашего аймака, перешло в другие кочевья, сообразуясь с их близостью и удобством пребывания в них. Нашей же канцелярии надлежало снабдить пришедших в наш хошун людей кочевьями для расселения и проживать с ними в мире и согласии. По истечении нескольких месяцев засуха миновала, и нашей канцелярией араты из пострадавшего хошуна были возвращены в места постоянного жительства. Поскольку в описанном случае все трудности и споры были урегулированы и разрешены, адресуюсь к их превосходительствам старшине сейма Тушету-хану и товарищу сеймового старшины вану с покорнейшей просьбой в видах предотвращения впредь различных беспорядков распорядиться, чтобы впредь о случаях засухи в иных хошунах наш хошун своевременно получал официальные уведомления. Прошу также установить порядок, согласно каковому при улучшении положения дел хошун, перекочевавший в иные земли вследствие засухи, отправлялся бы обратно в прежние свои кочевья [17, с. 28].

Все сказанное о возможностях, открытых для сеймовых старшин и цзасаков, к тому, чтобы самостоятельно проявлять инициативу в размещении пострадавших от стихийных бедствий хошунов, не означает, что цинские власти полностью устранились от решения подобных проблем. В обстоятельствах, когда местной монгольской администрации не хватало распорядительности, чтобы в критической ситуации воспользоваться своим правом поиска свободных пастбищ, не подвергшихся губительному воздействию засухи или снегопада, эти функции могла взять на себя Лифаньюань. Так, в 1827 г. именно по ее указанию население хошуна туше-гуна Равдандоржи из Тушетуханского аймака, подвергавшегося в течение двух лет жестокой засухе, было временно переведено в соседние хошуны [17, с. 39].

Приведенные нами сообщения источников позволяют сформулировать вывод о том, что санкционированная нормами цинского права самостоятельность монгольской знати в распределении и разграничении кочевий была лимитирована целым рядом условий и сведена к решению повседневных, локальных и узкоспециальных земельно-правовых вопросов. Что же касается крупных, существенных и системных землеустроительных мероприятий, то в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. они проводились исключительно под эгидой имперских властей. В первом приближении смысл цинского законодательства о землях халхаских аймаков и хошунов сводился к утверждению порядка распределения и разграничения кочевий, исключавшего самовольные территориальные захваты и вооруженные конфликты из-за пастбищ, способные спровоцировать земельный голод в одних хошунах за счет изобилия трав и водопоев в других. Но, принимая во внимание земельно-правовой аспект интересующих нас норм права, мы должны указать и на то, что, на наш взгляд, сфера их действия далеко выходила за его рамки. Законы о разграничении монгольских кочевий являлись одним из основных элементов правового поля, необходимого для существования административного, судебного и фискального порядка, насаждение которого в рассматриваемый период составляло главную цель всей монгольской политики правящих кругов империи Цин[20]. Следует подчеркнуть, что административные, податные и судебные инновации, с помощью которых цинские власти стремились повернуть развитие Монголии в нужное им

[20] Об этом см.: [20, с. 189–202; 21, с. 27–38].

русло, могли иметь успех лишь при условии более или менее сходного их воспроизведения в строго ограниченных рамках каждого отдельного хошуна или аймака. При этом кочевые предводители получали санкцию на распространение властных правомочий исключительно в масштабах установленных верховной властью границ.

Как показывают источники, цинские политики, формулировавшие подход к управлению Монголией, вполне отдавали себе отчет в том, что самовольное расширение монгольскими князьями географических пределов их власти могло быть равнозначно появлению у таких князей не предусмотренных законами правомочий. С первых же лет господства над Халхой имперская администрация пыталась воспрепятствовать подобным тенденциям. Она многократно издавала директивы, напоминавшие монгольской знати о том, что все признанные законом правомочия власти кочевой аристократии простираются не далее границ соответствующего хошуна. К примеру, в 1773 г. император Цяньлун указал монгольским князьям на то, что жители не подвластных им хошунов не являются их податными. Его рескрипт запрещал представителям степной аристократии «по своему произволу переходить границы хошунов и самовольно обременять тамошнее население чрезмерными податями и повинностями» [22, л. 31а]. Статья примерно того же содержания включена в первое издание «Уложения Лифаньюань»: «Буде владетельные князья без законных на то причин перейдут границы своих хошунов и будут производить грабежи, опустошения и прочие подобные преступления, то при первой же жалобе по такому делу наказать виновных по закону» [10, цз. 12, л. 30б][21].

Говоря о хошунных и аймачных границах, не следует, видимо, забывать и о военно-политическом значении, которое они имели для цинских властей. По словам американского историка Ф. Майкла, «для того чтобы подорвать опасную (для империи Цин. — *А. П.*) мобильность пограничных монгольских племен, необходимо было связать их существование с определенной территорией, с землей этих племен, которую их вожди ревниво охраняли бы от посягательств чужаков» [23, p. 34].

Если попытаться в общем оценить значение цинского законодательства об урегулировании межхошунных и межаймачных земельных отношений в принятой цинской администрацией политико-юридической концепции управления Монголией, то это законодательство должно было обеспечить условия для создания необходимой имперским властям правовой среды обитания монгольских скотоводов. Земельно-правовая база тем самым подводилась под военно-административные, судебные, фискальные и прочие институты, в совокупности образовывавшие скроенное по цинским меркам понятие хошунной системы, которую в представлениях маньчжурских политиков следовало насадить в Монголии. Вместе с тем очевидно, что имперское законодательство было привнесено в Халху извне и его фундаментальные постулаты выросли отнюдь не из монгольской общественной действительности. Цель, которую в данном случае преследовал законодатель, состояла в том, чтобы отрегулировать реалии жизни монгольского социума применительно к критериям, заданным политической доктриной строительства многонационального имперского государства. Следовательно, логичен вопрос о том, в какой степени эффективно действовало в Монголии цинское земельное право и насколько

[21] В последующих втором и третьем изданиях того же кодекса к тексту статьи добавлено: «увеличив строгость наказания сообразно обстоятельствам» [11, цз. 32, л. 11б; 12, цз. 12, л.32б].

последствия, вызванные практическим применением его норм, оказались адекватны исходной законотворческой концепции? Осознавая сложность поставленной проблемы и не претендуя на то, чтобы найти ее окончательное решение, заметим все же, что имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют высказать некоторые соображения по интересующему нас поводу.

Как уже говорилось, цинскими законами была признана известная самостоятельность властей халхаских сеймов и хошунных правителей в определении и уточнении границ подведомственных им административно-территориальных образований. При этом в ходе многочисленных и непрекращающихся межхошунных и межаймачных споров, тяжб и консультаций по территориальным вопросам возник весьма примечательный феномен: установленный и санкционированный имперскими властями порядок разграничения кочевых угодий с течением времени к концу XVIII — началу XIX в. вполне органично вписался в повседневную практику монгольских земельных отношений. Более того, халхасцам потребовалась даже более точная и четкая детализация линий разграничения, чем та их схематическая прорисовка, которую содержали цинские официальные земельные кадастры. Причем подобное детальное уточнение пределов хошунных и аймачных территорий весьма часто оказывалось непременным условием бесконфликтного сосуществования различных кочевых объединений.

Приведем некоторые примеры. В 1791 г. между хошунами гуна Дэлэгдоржи (Сайннойонханский аймак) и бэйсэ Дэчинрампила (Тушетуханский аймак) возник земельный спор. Суть дела состояла в том, что на пастбищах, принадлежавших первому хошуну и сохранявшихся им для устройства зимников, летом обосновалось несколько семейств из соседнего хошуна. Стражники, назначенные гуном Дэлэгдоржи для охраны зимних пастбищ, попытались изгнать нарушителей границы и отобрать у них скот в качестве штрафа за потраву кочевых угодий, но те не подчинились и оказали упорное сопротивление. Детали этого инцидента описаны в отчете о его расследовании, составленном сеймовыми канцеляриями обоих аймаков. По показаниям одного из стражников по имени Хундан, дело было так: после того как нарушившие границу араты из хошуна бэйсэ Дэчинрампила напали на охранявших кочевья людей и отбили свой конфискованный скот, Хундан с двумя другими стражниками пустился в бегство. «Их преследовал некто по имени Ням, — говорится далее в отчете. — Настигнув Хундана, он жестко избил его палкой так, что у стражника изо рта пошла кровь. Затем Ням бросился в погоню за двумя товарищами Хундана. Последний же, придя в себя после побоев, поспешил к колодцу Хучин, где вновь повстречался с Нямом. Тот опять погнался за Хунданом, стражник в испуге обратился в бегство, доскакал до стойбища арата Гунжина и стал звать на помощь, умоляя спасти ему жизнь. Гунжин вышел из юрты и велел преследователям не убивать Хундана. Тогда Ням и его спутники отобрали у Хундана коня и, бросив его пешим, скрылись» [17, с. 21].

Подчеркнем, что за десять лет до описываемых событий улясутайский цзянцзюнь ван Баарин уточнял границу Сайннойонханского и Тушетуханского аймаков на том участке, где соприкасались земли хошунов гуна Дэлэгдоржи и Бэйлэ Дэчинрампила, и установил пограничные знаки обо в местах, именуемых Данналтай, Хучин, Боржигидын Гашуун, Агар, Хоромсго [17, с. 25]. Но уточнение границы, по-видимому, было произведено лишь в общих чертах, поскольку оно не распро-

странялось на довольно обширную полосу ничейных земель, сохранившуюся по традиции между территориями упомянутых хошунов. Данный факт не беспокоил ни сеймовые, ни хошунные власти до той поры, пока вокруг этой полосы не разгорелся конфликт. В ходе его расследования выяснилось, что между тяжущимися хошунами издавна существовала договоренность, что составлявшая предмет спора полоса пограничных земель должна быть открыта для кочевания жителей и того и другого хошуна. «Эта приграничная земля лежит в пустынной местности, и колодцев в ней мало, — говорится в документе, повествующем о ходе расследования. — Посему араты обоих хошунов, живущие вдоль границы, на равных поили свой скот в колодцах, находящихся по обе ее стороны вблизи пограничных знаков, и мирно кочевали в этих местах» [17, с. 25].

Приведенные факты определенно свидетельствуют о том, что имперская администрация не утруждала себя сколько-нибудь детальным, топографически точным разграничением монгольских кочевий. В равной степени подтверждением сказанному может стать содержание упомянутых выше «Записок о монгольских кочевьях», в основу которых были положены цинские официальные документы, предназначенные для определения рубежей, разделявших территории аймаков и хошунов. В частности, границы хошунов гуна Дэлэгдоржи и бэйсэ Дэчинрампила в *Мэнгу юму цзи* описаны следующим образом:

> На юге (кочевья первого из упомянутых хошунов. — *А. П.*) простираются до горы Ахар, соприкасаясь с казенными станциями и задним знаменем левого крыла Тушетухановского аймака (т. е. с хошуном бэйсэ Дэчинрампила. — *А. П.*); на ю.-в. — до Борцзигэ, соприкасаясь с казенными станциями и задним знаменем левого крыла Тушетухановского аймака [6, с. 76].

Подобный весьма приблизительный порядок фиксации административно-территориальных рубежей начиная со второй половины XVIII в. перестал быть эффективным регулятором поземельных взаимоотношений между халхаскими кочевыми объединениями. Правовая неопределенность в сфере разграничения кочевий в интересующий нас период стала постоянным источником межхошунных и межаймачных конфликтов. При их урегулировании халхаские владетельные князья, обладавшие полномочиями местной власти, нередко старались воспользоваться своей автономией в земельных вопросах и, не прибегая к посредничеству имперской администрации, самостоятельно уточняли порядок разграничения кочевий и вносили в него рациональное начало сообразно практическим потребностям, диктуемым монгольской общественной действительностью. В 1818 г. между хошунами цзасаков Галданхундэва (Цзасактуханский аймак) и Дамиранжава (Сайннойонханский аймак) произошел спор из-за пастбищ. В принципе рубежи, разделявшие территории двух этих хошунов, были утверждены в 1781 г. улясутайским цзянцзюнем [17, с. 67] и имели определенное актовое оформление[22]. Но вывод

[22] Представление о характере этого оформления мы приблизительно можем получить из *Мэнгу юму цзи*, где сказано, что земли хошуна цзасака Дамиранжава на севере тянутся «до Сантутолгой, соприкасаясь с последним вторым знаменем среднего правого крыла Чжаскату-ханского аймака (т. е. с хошуном цзасака Галданхундэва. — *А. П.*); на северо-западе — до хребта Сонготу, соприкасаясь с последним вторым знаменем среднего правого крыла Чжасакту-ханского аймака» [6, с. 82]. В свою очередь, границы хошуна цзасака Галданхундэва в том же источнике описаны так: «Кочевья знамени <…> на юге простираются до Думда-Сабугалтай, гранича с правым последним

о практической пригодности подобного разграничения можно сделать достаточно определенно, если ознакомиться с письмом, в котором цзасак Дамиранжав предлагал другой спорящей стороне план совместных действий по искоренению раз и навсегда межхошунных тяжб из-за пастбищ:

> Наши два хошуна с давних пор и до сего времени кочевали рядом в мире и согласии, в *действительности не зная того, где в точности проходит граница между нашими кочевьями* (курсив наш. — *А. П.*). Посему ежели ныне от обоих хошунов будут направлены чиновники, дабы справедливо и по чести обсудить вопрос о границе, и оные чиновники сойдутся на рубеже наших кочевий и по правде и чести установят точную линию границы от пограничного знака в местности Ар Байц до пограничного знака в местности Согоост[23], и оба хошуна станут кочевать, строго соблюдая данную границу, то пусть же наши отношения вновь станут мирными и дружелюбными, и да будет положен конец нынешним беспорядкам и беспокойствам среди аратов, кочующих вблизи рубежей наших хошунов [17, с. 67, 68].

Почти стандартная необходимость в четком определении линии границы между весьма далеко отстоящими друг от друга пограничными знаками, которые были поставлены по указанию улясутайского цзянцзюня, возникла также в 1825 г. при решении земельного спора с участием хошунов бэйлэ Пунцагдоржи (Сайннойонханский аймак) и туслагчи-гуна Цэвээндоржи (Тушетуханский аймак) [17, с. 32].

Впрочем, недостаточная определенность официально установленных межхошунных рубежей выяснялась не только в ходе земельных споров, но и при попытках составить точные чертежи и описания этих «в принципе» известных границ. Так, в 1792 г. старшина сейма Тушетуханского аймака распорядился, чтобы каждый подведомственный хошун представил ему такие чертежи. Однако выяснилось, что выполнить подобное распоряжение невозможно, поскольку, например, хошуны цэасаков Сонома и Цэрэндоржи при наличии между ними «высочайше установленных» рубежей считают одни и те же местности своей территорией и в равной степени претендуют на них [17, с. 80–83].

Приведенные сообщения источников недвусмысленно указывают на очевидный разрыв, который во второй половине XVIII — начале XIX в. образовался между принятыми имперской властью законоположениями о статусе хошунных и аймачных границ и практикой применения этих законов в земельных отношениях между халха-монголами. Скотоводы, расселенные в пределах отведенных им территорий, основываясь на нормах права, источником которых была центральная и региональная цинская администрация, зачастую не могли отличить чужие травы и водопои от своих. Как показывают источники, в Монголии во второй половине XVIII в. при определении законных субъектов владения и распоряжения пастбищами все более определенно складывалась ситуация, требовавшая детального исследования мелких географических реалий, которые, казалось бы, в принципе не могли существенно повлиять на распределение кочевий. Например, в ходе

знаменем Сайн-ноинского аймака (т. е. с хошуном цзасака Дамиранжава. — *А. П.*) <…> и на ю.-з. до Босога, гранича с правым последним знаменем Сайн-ноинского аймака» [6, с. 113].

[23] Оба упомянутых знака были поставлены в 1781 г. при размежевании территорий хошунов, произведенном канцелярией цинского наместника в Улясутае.

расследования упомянутого выше спора между хошунами гуна Дэлэгдоржи и бэйсэ Дэчинрампила расстояние, на которое неправая сторона вторглась в пределы чужих земель, рассчитывалось в нумах[24].

Таким образом, именно потребности кочевого землепользования и землевладения, а не интересы имперских законодателей стимулировали более детальную и углубленную разработку цинского законодательства о разграничении монгольских кочевий. На первый взгляд этот факт, кстати, до сих пор обойденный вниманием исследователей, кажется парадоксальным — воз оказался впереди лошади! В поисках рациональных объяснений данного феномена мы полагаем целесообразным исходить из того, что формы земельных отношений, сложившиеся в Халха-Монголии в изучаемый нами период, во многом стали естественным результатом распространения на нее цинской системы административно-территориального деления. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с одним из проявлений процесса системной трансформации традиционных институтов кочевого общества под влиянием маньчжурской политики, направленной на создание в Монголии территориальных групп[25].

В доцинский период в халхаском праве не существовало норм, устанавливавших порядок топографически точного размежевания кочевий с детальной привязкой граничных линий к определенным объектам на местности. Представители северомонгольской аристократии, в первой половине и середине XVII в. выступавшие в роли основных субъектов законодательной власти, стремились прежде всего к тому, чтобы в результате их правотворческой деятельности были отрегулированы политические, а не территориальные связи между кочевыми объединениями. В частности, принятые ими законы были нацелены на сохранение надплеменной власти, которая в кочевых обществах, подобных монгольскому, по словам Н. Н. Крадина, существовала в силу того, что, с одной стороны, членство в конфедерации обеспечивало племенам политическую независимость от соседей, а с другой стороны, верховный хан и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках державы [25, с. 121]. К числу законодательных актов, обеспечивающих земельно-правовые условия для поддержания подобной политической структуры, относится, например, следующий фрагмент из «Большого уложения года обезьяны», принятого сеймом халхаских князей в 1620 (или 1632) г.: «Если несколько больших и малых нойонов, имеющих свои оттоки по правую и левую стороны от мест кочевания Хаган-ахая[26], откочуют, сменив пастбища (nutuγ), то с каждого из таковых нойонов взять по 50 лошадей и по пять верблюдов»[27] [27, с. 100]. Похожие положения есть и в ойратском праве. В качестве примера можно сослаться на указ Галдан-хана, следующий за «Великим уложением» 1640 г. [29, с. 31].

Что касается цинского законодательства, то оно, в отличие от традиционного кочевого права, имело целью формирование юридически значимых предпо-

[24] Нум — монгольская мера длины, в среднем равная размеру основания одного лука.

[25] О закономерностях эволюции монгольского общества, возникших под влиянием упомянутой политики, в числе прочих авторов пишет, например, А. М. Хазанов [24, с. 206].

[26] Хаган-ахай — старший хан Золотого рода. По мнению Т. Д. Скрынниковой, в первой половине XVII в. в Халхе этим титулом обладал халхаский Дзасакту-хан [26, с. 19]. Монгольский историк Х. Пэрлээ, напротив, полагал, что приведенный титул принадлежал роду Тушету-ханов [27, с. 124].

[27] Полный текст этого свода законов переведен на русский язык и издан А. Д. Насиловым [28].

сылок для насаждения в Монголии системы административно-территориального деления, отвечавшей политическим интересами имперских властей, а не степной аристократии. Статьи цинских кодексов в результате их длительного применения пробуждали во встроенных в эту систему аймаках и хошунах многоплановые — хозяйственные, правовые, административные — стремления к все более точной синхронизации их жизни с четко определенным географическим ареалом. Приведенные выше сообщения источников показывают, что механизм подобной синхронизации действовал во многом благодаря усилиям халхаских владетельных князей. Способности правителей аймаков и хошунов к адаптации в условиях имперского бюрократического аппарата, их административные правомочия и управленческие возможности, но не мощь оружия (как это было в доцинский период) стали главной силой, которая гарантировала защиту пастбищам аймака или хошуна от посягательств извне и которая представляла кочевую общность в поземельных отношениях с соседями. В результате социальный статус владетельных князей в аймаках и хошунах с течением времени обретал дополнительный вес и значимость, и их административные полномочия по отношению к подчиненному им населению наполнялись новым важным содержанием, несвойственным доцинским кочевым традициям. При этом следует учесть, что образ халхаского вана, гуна или тайджи как самостоятельного и инициативного правителя аймака и хошуна не вписывался в ту политико-правовую концепцию, которая была положена в основу адресованных монголам норм цинского законодательства. Следовательно, выстроенный под действием этих норм порядок разграничения кочевий в действительности открыл дорогу таким трансформациям в правовых, административных и социальных институтах монгольского общества, которые далеко не во всем соответствовали политическим интересам верховных властей империи Цин.

Источники и литература

1. Qinding Dai Qind huidian zeli. 钦定大清会典则例 [Высочайше утвержденное собрание узаконений к своду законов Великой империи Цин]. Б. м., 1748 // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей и ксилографов. Xyl F-40. Цз. 140–144.

2. Menggu luili // Menggu luili。Huizang luili // Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 蒙古律例 // 蒙古律例。回疆则例 // 中国边疆史地资料丛刊。吕一燃马大正主编。兰州，1988 [Монгольское уложение // Монгольское уложение. Собрание узаконений относительно Синьцзяна // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988. Цз. 1–12].

3. *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010. 401 с.

4. Qingding Dai Qing huidian. 钦定大清会典 [Высочайше утвержденный свод узаконений Великой империи Цин]. Б. м., 1818 // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Xyl F-42. Цз. 49–53.

5. Jiaqing chao “Dai Cing huidian” zhongde Lifanyuan ziliao // Qingdai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 121 p. 嘉庆朝“大清会典”中的理藩院资料/ 清代理藩院资料辑录/ 中国边疆史地资料丛刊。吕一燃 马大正 主编。兰州, 1988 [Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Цзяцина // Сборник материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988. 121 с.].

6. *Попов П. С.* Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях: пер. с кит. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1895. Т. XXIV. VII + 487 с. + 92 с. указателей.

7. *Atwood C. P.* Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire. New York: Facts On File, 2004. X + 678 p.

8. γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig *nayiraltu altanorgil* γarγaγulǰu tayilburilγaba. Hayilar, 1989. Boti 1–2, 902 q. [Уложение Лифаньюань или Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии / под ред. Н. Алтаноргила. Хайлар, 1989. Т. 1–2. 902 с.].

9. *Липовцов С. П.* Уложение Китайской палаты внешних сношений: пер. с маньчжур. СПб., 1828. Т. 1. 362 с.; Т. 2. 319 с.

10. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüьyil-ün bičig [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. Б. м., 1817 // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-1. Цз. 1–63.

11. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. Б. м., 1826 // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-2. Цз. 1–63.

12. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. Б. м., 1842 // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-4. Цз. 1–63.

13. Kangxi chao "Dai Cing huidian" zhongde Lifanyuan ziliao // Qingdai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 121 p. 康熙 朝 "大清会典"中的理藩院资料/ 清代理藩院资料辑录/ 中国边疆 史地资料丛刊。吕一燃 马大正 主编。兰州 , 1988三十五 頁. [Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Канси // Сборник материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988. 35 с.].

14. Без заглавия. Текст начинается словами: sayišiyaltu irügeltü-yin γurbaduγaar on-dur [В 3-ем году правления под девизом Цзяцин…]: Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в. Б. м. Б. г. // Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-223. 120 л.

15. Монгольские официальные бумаги, собранные ординарным профессором А. М. Позднеевым. Издал студент Г. Ц. Цыбиков. СПб., 1898. 77 с.

16. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. XXXVIII + 421 с. + 1 таблица.

17. *Шархүү Ц.* Хүвьсгалын өмнөх Монгол дахь газрын харилцаа. Архивын материалын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 1975, 253 х. [Земельные отношения в Монголии до революции: Сборник архивных материалов. Улан-Батор, 1975. 253 с.].

18. *γaldan.* erdeni-yin erike / Ц. Насанбалжир хэвлэлд бэлтгэв [*Галдан*. Драгоценные четки / подгот. к изданию Ц. Насанбалжир] // Monumenta historica. T III, fasc. I. Улаанбаатар, 1960. 183 с.

19. urida šiytgen önggeregülügsen hereg-üüd anu [Дела, решенные в прежние времена: Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.]. Б. м. Б. г. // Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-523. 264 л.

20. *Попов А. В.* Китайская палата внешних сношений, маньчжурские наместники и аймачные власти в Халха-Монголии в середине XVIII — начале XIX в. // Источниковедение и историография истории стран Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. Вып. 13. С. 189–202.

21. *Попов А. В.* Цинское законодательство XVIII — первой половины XIX в. об административном режиме халхаского участка русско-монгольской границы // Mongolica-XV. 90-летию со дня рождения З. К. Касьяненко посвящается. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 27–39.

22. mongγol caγaǰin-u neyite-yin tobči debter basa mongγol ǰirum-un bičig ǰiči šin-e toγtoγan ǰarlaǰu iregsen qaγudasu aliba qauli ene bolai [Краткий общий свод монгольских законов, список монгольского уложения, списки недавно утвержденных и опубликованных законоположений]. Б. м. Б. г. // Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-196. 65 л.

23. *Michael F.* The Origin of the Manchu Rule in China. Frontier and Bureaucracy as Interacting Forces in the Chinese Empire. Baltimore: John Hopkins Press, 1942. 127 p.

24. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с. (Серия «Nomadica»).

25. *Крадин Н. Н.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 109–125. (Серия «Цивилизационное измерение». Т. 5 / Институт Африки РАН).

26. *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. 104 с.

27. *Пэрлээ Х.* Халхын шинэ олдсон цааз-эрхэмжийн дурсгалт бичиг [Новооткрытый памятник халхаского права] // Monumenta historica. T. IV, fasc. I. Улаанбатаар, 1974. С. 3–139.

28. Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв.: Монгольский текст, транслит. монгол. текста / пер. с монгол., коммент. и исследование А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.

29. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в.: Ойратский текст, транслит. сводного ойратского текста, реконструир. монгол. текст и его транслит. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.

Для цитирования: Попов А. В. Цинское законодательство XVIII–XIX вв. о разграничении земель северомонгольских аймаков и хошунов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 3. С. 68–85. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.306

References

1. Qinding Dai Qind huidian zeli. 钦 定 大 清 会 典 则 [Established by All Highest Command the Assembly of Legal Precedents to the Collected Statutes of the Great Ch'ing Empire]. B. m., 1748. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond kitaiskikh rukopisei i ksilografov*. Xyl F-40. Tsz. 140–144.

2. Menggu luili. Menggu luili。Huizang luili. *Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan*. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 蒙 古 律 例. 蒙 古 律 例。 回 疆 则 例. 中 国 边 疆 史 地 资 料 丛 刊。吕 一 燃 马 大 正 主 编。兰 州 , 1988 [The Mongolian Code of Laws. The Mongolian Code of Laws. The Assembly of Laws Related to Xinjiang. *Collected Materials on the History of Border Regions of China*]. Ed. Lu Izhan', Ma Dachzhen. Lan'chzhou, 1988. Tsz. 1–12.

3. Bichurin N. Ia. *Zapiski o Mongolii* [*Notes on Mongolia*]. Samara, Agni Publ., 2010. 401 p. (In Russian)

4. Qingding Dai Qing huidian. 钦定大清会典 [Established by All Highest Command the Collected Statutes of the Great Ch'ing Empire] B. m., 1818. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond kitaiskikh rukopisei i ksilografov*. Xyl F-42. Tsz. 49–53.

5. Jiaqing chao "Dai Cing huidian" zhongde Lifanyuan ziliao. Qingdai Lifanyuan ziliao jilu. *Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan*. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 121 p. 嘉 庆朝"大清会典"中的理藩院资料/ 清代理藩院资料辑录/ 中国边疆史地资料丛刊。吕一燃 马大正 主编。兰州 , 1988 [Materials Regarded with Li-fan-yüan in the Code of Laws "Ta-Ch'ing hui-tien" During the Reign of Emperor Chia-Ch'ing. Collected Materials Regarded with Li-fan-yüan Related to the Ch'ing Period. *Collection of Historical and Geographical Materials on the Border Regions of China*]. Eds. Lu Izhan', Ma Dachzhen. Lan'chzhou, 1988. 121 p.

6. Popov P. S. [Meng-ku yu-mu czi. Notes on Mongolin Nomadism]. Transl. from Chinese. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [*Reports of Russian Royal Geographical Society*]. St. Petersburg, 1895. VII. + 487 p. (In Russian)

7. Atwood C. P. *Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire*. New York, Facts On File, 2004. X + 678 p.

8. *yadayatu mongyol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig nayiraltu altanorgil yaryayulǰu tayilburilyaba*. Hayilar, 1989. Boti 1–2, 902 q. [*Established by All Highest Command the Statute Book of the Ministry of the Government of the Outer Mongolian Provinces*]. Ed. by N. Altanorgil. Khailar, 1989, vol. 1–2. 902 p.

9. Lipovtsov S. P. *Ulozhenie Kitaiskoi palaty vneshnikh snoshenii* [*Statutes of the Ministry of Foreign Relations*]. Transl. from Manchurian. St. Petersburg, 1828, vol. 1. 362 p.; vol. 2. 319 p.

10. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig [Established by All Highest Command the Statute Book of the Ministry of the Government of the Outer Mongolian Provinces]. B. m., 1817. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov*. Mong B-1. Tsz. 1–63.

11. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig [Established by All Highest Command the Statute Book or the Ministry of the Government of the Outer Mongolian Provinces]. B. m., 1826. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov*. Mong B-2. Tsz. 1–63.

12. Jarliγ-yiar toγtaγsan γadaγatu mongγol-un törö-yi ǰasaqu yabudal-un yamun-u qauli ǰüyil-ün bičig [Established by All Highest Command the Statute Book or the Ministry of the Government of the Outer Mongolian Provinces]. B. m., 1842. Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov. Mong S-4. Tsz. 1–63.

13. Kangxi chao "Dai Cing huidian" zhongde Lifanyuan ziliao. Qingdai Lifanyuan ziliao jilu. *Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan*. Lu Yiran Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988. 121 P.康熙 朝"大清会典" 中的理藩院资料/ 清代理藩院资料辑录/ 中国边疆 史地资料丛刊。吕一燃 马大正 主编。兰州, 1988 三十五 頁. [Materials Regarded with Li-fan-yüan in the Code of Laws "Ta-Ch'ing hui-tien" During the Reign of Emperor K'ang-his. Collected Materials Regarded with Lifanyüan Related to the Ch'ing Period. *Collection of Historical and Geographical Materials on the Border Regions of China*]. Eds. Lu Yiran, Ma Dazheng. Lanzhou, 1988. 35 p.

14. [the beginning: *sayišiyaltu irügeltü-yin γurbaduγaar on-dur…* (In the First Year of Emperor Chia-Ch'ins' Regency…). Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century]. B. m. B. g. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg). Mongol'skii fond*. F-223. 120 l.

15. *Mongol'skie ofitsial'nye bumagi, sobrannye ordinarnym professorom A. M. Pozdneevym* [*Mongolian Official Documents Collected by Prof. A. M. Posdne'ev*]. Published by *G. Ts. Ts'ibikov*. St. Petersburg, 1898. 77 p. (In Russian)

16. Pozdneev A. M. *Mongol'skaia letopis' «Erdeniin erikhe». Podlinnyi tekst s perevodom i poiasneniiami, zakliuchaiushchimi v sebe materialy po istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* [*The Mongolian Chronicle — Erdeniin erile. Original Text with a Translation and Explanations, Encompassing Materials on the History of Khalkha from 1636 to 1736*]. St. Petersburg, 1883. XXXVIII + 421 p. + 1 table. (In Russian)

17. Шархүү Ц. *Хувьсгалын өмнөх Монгол дахь газрын харилцаа. Архивын материалын эмхэтгэл.* Улаанбаатар, 1975, 253 х. [*Land Relations in Mongolia before the Revolution. The Collection of Archival Materials*]. Ulaanbataar, 1975. 253 p.

18. γaldan. erdeni-yin erike. Ц. Насанбалжир хэвлэлд бэлтгэв [Galdan. Erdeni-yin erike (The Precious Rosary). Published by C. Nasanbaljir]. *Monumenta historica*. T III, fasc. I. Ulaanbaatar, 1960. 183 p.

19. urida šiytgen önggeregülügsen hereg-üüd anu [The Matters, Solved in the Old Days. — Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century]. B. m. B. g. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg). Mongol'skii fond*. F-523. 264 l.

20. Popov A. V. [Li-fan-yüan, the Manchu Governors and the Administration of Aimags in Khalkha-Mongolia in the middle of XVIII and in the early XIX cent.]. *Istochnikovedenie i istoriografiia istorii stran Azii i Afriki* [*Source studies and historiography of Asia and Africa*]. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1990, vol. 13, pp. 189–202. (In Russian)

21. Popov A. V. [The Administrative Regime of the Russian-North Mongolian Border in the Terms of Ch'ing Law (XVIII — first half XIX cent.)]. *Mongolica-XV. 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z. K. Kas'ianenko posviashchaetsia* [*Mongolica-XV. Dedicated to the 90-th Anniversary of Z. K. Kasyanenko*]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2015, pp. 27–39. (In Russian)

22. mongγol caγaǰin-u neyite-yin tobči debter basa mongγol ǰirum-un bičig ǰiči šin-e toγtoγan ǰarlaǰu iregsen qaγudasu aliba qauli ene bolai [A Brief Overall Body of Mongolian Law, the Statute Book of Mongolian Legal Code, Lists of Recently Approved and Published Regulations]. B. m. B. g. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg). Mongol'skii fond*. F-196. 65 l.

23. Michael F. *The Origin of the Manchu Rule in China. Frontier and Bureaucracy as Interacting Forces in the Chinese Empire*. Baltimore, John Hopkins Press, 1942. 127 p.

24. Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshnii mir* [*Nomads and the Outside World*]. 4th ed., rev. and suppl. St. Petersburg, 2008. 512 p. (issue "Nomadica"). (In Russian)

25. Kradin N. N. [The Power Structure of Nomadic Empires]. *Kochevaia al'ternativa sotsial'noi evoliutsii* [*The Nomadic Alternative of Social Evolution. "Civilization dimension" series*]. Moscow, Institute of African Studies, Russian Academy of Science, 2002, vol. 5, pp. 109–125. (In Russian)

26. Skrynnikova T. D. *Lamaistskaia tserkov' i gosudarstvo. Vneshniaia Mongoliia XVI — nachalo XX v.* [*Lamaist Church and State Power. The Outer Mongolia in the XVI — early XX cent.*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 104 p. (In Russian)

27. Пэрлээ Х. Халхын шинэ олдсон цааз-эрхэмжийн дурсгалт бичиг [Newly discovered monument of Khalkha Law]. *Monumenta historica*. T. IV, fasc. I. Ulaanbataar, 1974, pp. 3–139.

28. *Vosemnadtsat' stepnykh zakonov. Pamiatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv.: Mongol'skii tekst, translit. mongol. teksta* [*Eighteen Steppe Laws. Monument of Mongolian Law of the XVI — XVII cent. Mongolian Text, Transliteration of Mongolian Text*]. Transl. from Mongolian, Comments and Research by *A. D. Nasilov*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2002. 160 p.

29. *Ikh tsaaz (Velikoe ulozhenie). Pamiatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v.*: Oiratskii tekst, translit. svodnogo oiratskogo teksta, rekonstruir. mongol. tekst i ego translit [*Ikh Caaz (The Great Code). Monument of Mongolian Feudal Law of the XVI — XVII cent*. Transliteration of the Consolidated Oirat Text, Reconstructed Mongolian Text and its Transliteration]. Translation, Introduction and Comments by S. D. Dylykov. Moscow, Nauka Publ., 1981. 148 p.

For citation: Popov A. V. Qing legislation on the delimitation of the lands of aimags and banners in Northern Mongolia in the 18th–19th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 3, pp. 68–85. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.306

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

Контактная информация

Попов Антон Владимирович — кандидат исторических наук; orient@spbu.ru

Popov Anton V. — PhD; orient@spbu.ru